

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 56-КГ20-12-К9

№ 2-2979/2020

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва

28 января 2021 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего	Гетман Е.С.,
судей	Горшкова В.В., Марьина А.Н.
при секретаре	Веретенцеве В.Ю.

рассмотрела в открытом судебном заседании с использованием систем видеоконференцсвязи дело № 2-2979/2020 по иску Мигунова Алексея Алексеевича к Фёдоровой Екатерине Алексеевне, Моор Еве Валерьевне и Карчевской Ольге Дмитриевне о защите чести, достоинства и деловой репутации по кассационной жалобе Мигунова Алексея Алексеевича на определение судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2020 г.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Горшкова В.В., выслушав Мельника И.В., представляющего интересы Мигунова А.А., поддержавшего доводы жалобы, Давтян М.Д. и Фролову В.Н., представителей Фёдоровой Е.А., возражавших против удовлетворения жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Мигунов А.А. обратился в суд с иском к Фёдоровой Е.А., Моор Е.В. и Карчевской О.Д. о защите чести, достоинства и деловой репутации, указав, что ответчиками на своих общедоступных страницах в социальной сети Facebook в сети Интернет в январе 2019 года размещены сведения о совершении истцом противоправных действий в отношении ответчика

Фёдоровой Е.А. Данные сведения не соответствуют действительности и порочат честь, достоинство и деловую репутацию Мигунова А.А.

Решением Первореченского районного суда г. Владивостока от 22 мая 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Приморского краевого суда от 27 августа 2019 г., иск удовлетворён частично.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2020 г. названные судебные постановления отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В кассационной жалобе Мигунова А.А., подписанной представителем Мельником И.В., поставлен вопрос об отмене указанного кассационного определения и оставлении без изменения решения суда первой инстанции и апелляционного определения.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Киселёва А.П. от 14 декабря 2020 г. кассационная жалоба с делом переданы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

В соответствии со ст. 390¹⁴ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе, возражения на кассационную жалобу, Судебная коллегия не находит оснований для отмены в кассационном порядке определения судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2020 г.

Судами первой и апелляционной инстанций установлено, что 3 января 2019 г. Фёдорова Е.А. на своей странице в социальной сети Facebook в сети Интернет распространила информацию об изнасиловании её Мигуновым А.А. 13 октября 2018 г.

Текст данного сообщения распечатан на бумажном носителе и содержится в материалах дела.

Указанную информацию в социальной сети Facebook также распространили Карчевская О.Д. и Моор Е.В.

Разрешая спор и удовлетворяя иск частично, суд первой инстанции, с которым согласилась судебная коллегия, исходил из того, что размещённая ответчиками в социальной сети Facebook информация находится в свободном доступе, то есть каждый желающий может с ней ознакомиться, а потому

имеет место распространение сведений в отношении истца. Суды сочли, что Фёдорова Е.А., а впоследствии Моор Е.В. и Карчевская О.Д. распространили сведения о совершении Мигуновым А.А. преступления. Данные сведения порочат его честь и достоинство, при этом доказательств, с достоверностью подтверждающих соответствие данной информации действительности, ответчиками не представлено.

Отменяя названные судебные постановления, суд кассационной инстанции указал, что судом первой инстанции и судебной коллегией краевого суда допущены нарушения норм материального и процессуального права. Судами не учтено и не дано оценки тому, что Фёдорова Е.А. опубликовала в социальной сети историю о пережитом опыте сексуального насилия, и что настоящее дело представляет собой конфликт между правом на свободу выражения мнения женщины, пережившей сексуальное насилие, и защитой репутации; при рассмотрении дела также допущены нарушения норм гражданского процессуального законодательства об оценке доказательств и извещении сторон.

Оснований не согласиться с выводами кассационного суда общей юрисдикции по доводам кассационной жалобы не имеется.

Право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом.

Как разъяснено в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами – свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 23, 29, 33 Конституции Российской Федерации), с другой.

В силу ч. 1 ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

В своих объяснениях сторона ответчиков ссылалась на то, что сведения, распространённые на общедоступных страницах в социальной сети, не были сведениями о совершении истцом в отношении Фёдоровой Е.А. уголовно-наказуемого деяния, а являлись субъективным мнением о пережитом Фёдоровой Е.А. опыте, который она расценивала как сексуальное насилие.

При этом ответчики указывали, что согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы.

При разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и в силу ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» учитывать правовые позиции Европейского Суда по правам человека, выраженные в его постановлениях и касающиеся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего ст. 10), имея при этом в виду, что используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Ответчики при рассмотрении дела указывали, что Европейский Суд по правам человека неоднократно высказывал позицию о том, что свобода выражения мнения, как она определяется в п. 1 ст. 10 Конвенции, представляет собой одну из несущих основ демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. Свобода слова охватывает не только «информацию» или «идеи», которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества».

Право женщин на жизнь, свободную от гендерного насилия, неразрывно связано с другими правами человека, такими как право на свободу выражения мнений, и неотделимо от этих прав. Одной из форм обсуждения латентной и табуированной проблемы сексуального насилия стала возможность для переживших насилие женщин открыто делиться своим опытом, обсуждать его со своими близкими и с общественностью на

личных страницах в социальных сетях (п. 15 Общей рекомендации Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин № 35 «О гендерном насилии в отношении женщин, предназначенная для обновления общей рекомендации № 19»). Таким образом, вмешательство в свободу выражения мнения женщины, которая подверглась насилию, требует от суда наиболее острого контроля.

В этой связи суды, как полагали ответчики, обязаны рассмотреть высказывания женщины в определённом контексте, адекватно оценить переживания и состояние, в котором находилась женщина в момент совершения высказываний (постановление по делу *Kanelloroulou v. Greece*, жалоба № 28504/05, 11 октября 2007 г.), а также учитывать, что лицо не может ссылаться на защиту права на уважение частной жизни по ст. 8 Конвенции в исках о вреде репутации в случае, когда это явилось предсказуемым последствием его собственных поступков, например, совершения противоправных действий (постановление по делу *Axel Springer AG v. Germany*, Большая Палата, жалоба № 39954/08, 7 февраля 2012 г.).

В нарушение требований ст. 198 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации данные доводы ответчика оценки со стороны судов первой и апелляционной инстанций не получили и не нашли своего отражения в вынесенных постановлениях, в связи с чем суд кассационной инстанции отменил постановленные ими судебные акты.

В соответствии с ч. 2 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определёнными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами (ст. 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

В силу ч. 2 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы.

По общему правилу в силу п. 1 ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации обязанность доказывать соответствие действительности распространённых сведений лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений.

Дела, связанные с совершением сексуального насилия над женщиной, в силу высокой социальной значимости имеют особенности рассмотрения, и судам по ним необходимо с особой тщательностью определять предмет доказывания.

В настоящем деле истец, обращаясь в суд с иском, полагал, что ответчики неправомерно распространили информацию о совершении им насилия в отношении Фёдоровой Е.А., которая сообщила об этом на своей личной странице в социальной сети Facebook.

В связи с этим для правильного разрешения спора суду надлежало дать оценку как конкретным фразам, так и всему тексту, размещённому ответчиками в социальной сети Facebook, установить, являлось ли целью утверждения обвинение истца в совершении уголовно-наказуемого деяния, либо оно являлось высказыванием Фёдоровой Е.А. о пережитом опыте, который она в силу субъективного восприятия расценивала как насилие. В этом случае суду следовало оценить, имелись ли у данного ответчика основания для подобного высказывания с учётом взаимоотношений сторон, предшествующих событий и её психоэмоционального отношения к случившемуся. В случае недостаточности познаний для установления данных обстоятельств на суд в силу ст. 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации возлагалась обязанность провести соответствующую экспертизу.

Соответственно для принятия решения о законности и обоснованности вынесенных нижестоящими судами постановлений кассационному суду общей юрисдикции необходимо было дать оценку выполнения судами при рассмотрении дела перечисленных ранее требований, что было им сделано, в результате чего принято законное и обоснованное решение об отмене решения суда первой инстанции и апелляционного определения и возвращении дела на новое рассмотрение.

В кассационной жалобе Мигунов А.А. указывает, что, по его мнению, судебная коллегия Девятого кассационного суда общей юрисдикции фактически установила, что сексуальное насилие в отношении ответчика со стороны истца имело место, однако данное утверждение суда кассационной инстанции противоречит ст. 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, поскольку судами первой и апелляционной инстанций установлены иные обстоятельства по делу, а именно то, что Фёдорова Е.А. лицом, подвергшимся сексуальному насилию со стороны Мигунова А.А., не является, а также то, что Фёдоровой Е.А., Моор Е.В. и Карчевской О.Д. в отношении Мигунова А.А. распространены не соответствующие действительности сведения об этом насилии, порочащие честь и достоинство истца.

С таким доводом согласиться нельзя.

В обжалуемом постановлении суда кассационной инстанции не устанавливаются новые обстоятельства (в том числе, факт совершения сексуального насилия в отношении Фёдоровой Е.А.), а судебная коллегия кассационного суда общей юрисдикции обращает внимание нижестоящих судов на такие существенные нарушения норм материального и процессуального права, как отказ применить к рассматриваемому делу положения действующего законодательства, некорректное определение характера высказываний Фёдоровой Е.А. и вытекающих из него юридически-

значимых обстоятельств по делу, несоблюдение требований процессуального законодательства.

Как указал суд кассационной инстанции, настоящее гражданское дело не рассматривалось судами нижестоящих инстанций с точки зрения соблюдения баланса прав и законных интересов истца и ответчика Фёдоровой Е.А., надлежащей оценки доводам о необходимости такого рассмотрения не дано.

Суд кассационной инстанции также указал, что судами в нарушение требований ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не устанавливалась и не исследовалась подлинность переписки между Мигуновым А.А. и Фёдоровой Е.А., которая была представлена ответчиком Фёдоровой Е.А. в качестве подтверждения действительности распространённых сведений и была осмотрена судом первой инстанции как на бумажном, так и на электронном носителе; достоверность изложенной в ней информации.

При этом не было учтено, что истцом достоверность указанной переписки не опровергалась, однако суд, не исследовав вопрос достоверности данного доказательства, сделал вывод, что Фёдорова Е.А. не представила доказательств, подтверждающих соответствие действительности распространённых ею сведений.

Решение суда содержит противоречивые выводы в отношении данного доказательства. Суд указал, что ответчик не представил надлежащих доказательств принадлежности номера мобильного телефона, с которого велась переписка, истцу (стр. 8 решения), на основании чего сделал вывод о том, что копия скриншота страницы мобильного телефона истца с перепиской между Фёдоровой Е.А. и истцом не является надлежащим доказательством и не обладает признаками относимости, допустимости и достоверности (стр. 9 решения).

Учитывая, что представленная Фёдоровой Е.А. переписка с истцом в соответствии со ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации требовала оценки суда наряду с другими доказательствами, однако не была оценена судом в установленном законом порядке, суд кассационной инстанции правомерно указал на допущенное нарушение, послужившее одним из оснований для отмены судебных решений первой и апелляционной инстанций и возвращения дела на новое рассмотрение.

Обжалуемое кассационное определение содержит правильное указание на неверное толкование нижестоящими судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о доказывании. При этом Судебная коллегия отмечает, что судом первой инстанции на ответчиков возложено бремя доказывания совершения истцом преступления. Между тем вопрос виновности лица в преступлении не может являться предметом доказывания в гражданском процессе, суд не может и не должен обращаться к вопросу, составляющему предмет доказывания по уголовному делу. Однако сославшись на необходимость представления

приговора в отношении истца, как единственного допустимого доказательства по делу, суд первой инстанции нарушил принцип объективности при оценке доказательств, придав одному из них заранее установленную силу. Подобный подход суда первой инстанции не соответствует нормам гражданского процессуального права и правоприменительной практике, что свидетельствует о правильности отмены судебной коллегией по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции решения и апелляционного определения.

Отменяя постановления нижестоящих судов, суд кассационной инстанции указал и на иные нарушения норм процессуального права, выразившиеся в том, что ответчик Карчевская О.Д. не была надлежащим образом извещена о времени и месте судебного заседания.

Суд первой инстанции посчитал неявку Карчевской О.Д. в судебные заседания злоупотреблением правом, указав, что данный ответчик целенаправленно не получала судебных извещений, а также не исполнила свою обязанность сообщить суду о перемене своего адреса во время производства по делу в силу ст. 118 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

В силу ст. 119 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при неизвестности места пребывания ответчика суд приступает к рассмотрению дела после поступления в суд сведений об этом с последнего известного места жительства ответчика.

Между тем обязанность уведомить суд о смене места жительства не может быть возложена на лицо, которое до этого ни разу не было уведомлено надлежащим образом о времени и месте судебного заседания и не знает о своей обязанности сообщить суду о новом адресе места жительства.

Согласно п. 1 ст. 20 Гражданского кодекса Российской Федерации местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает.

При рассмотрении дела ни суд первой инстанции, ни суд апелляционной инстанции не устанавливали место жительства ответчика Карчевской О.Д.

Получив информацию о том, что Карчевская О.Д. пребывала временно до 28 февраля 2019 г. по адресу: [REDACTED], общежитие корпус № [REDACTED], комната [REDACTED], суды направляли судебные извещения по указанному адресу и после окончания временной регистрации ответчика, при этом не предприняли мер для установления постоянного места жительства Карчевской О.Д., хотя обладали для этого всеми процессуальными возможностями.

Вышеизложенное указывает на существенные нарушения судами первой и апелляционной инстанций норм материального и процессуального права при рассмотрении настоящего дела, что являлось достаточным

основанием для отмены кассационным судом общей юрисдикции их постановлений и направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не находит предусмотренных ст. 390¹⁴ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации оснований для удовлетворения кассационной жалобы и отмены вступившего в законную силу судебного акта.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 390¹⁴–390¹⁶ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

определение судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2020 г. оставить без изменения, кассационную жалобу Мигунова Алексея Алексеевича – без удовлетворения.

Председательствующий

Судьи

